

Иван Годзев

ДУРАЦКИЕ ИСТОРИИ

Припоминаю такую вот романтическую историю, случившуюся со мной, когда я был еще совсем юн, но в то же время уже и повидал некоторые виды. Правда, я до сих пор сомневаюсь, стоило ли мне видеть эти виды, потому что, похоже, пользы от них не было никакой, а один вред и пустая трата времени. Тем не менее, я их повидал, и что было, то было.

Как-то у меня случился напряженный страстный роман с женой моего соседа на даче. Все мои помыслы были о ней, а ее помыслы — обо мне. А помыслы ее мужа, конечно, о нас.

•

Моя юношеская любовь к ней, помню, разгорелась необычайно, и я места себе не находил, когда мы не были рядом. Целыми днями я просиживал за деревянным столом в саду напротив ее дома, в надежде, что она выйдет. Я сидел с книгой, но не мог с пониманием прочитать и строчки, потому что каждую секунду обращал свой взор на пролом в заборе, обрамленный сиренью — за этим проломом открывался вид на ее террасу. Дом, в котором она жила, казался мне таинственным замком, она — принцессой, заточенной в нем, а ее муж, афганский ветеран — драконом.

А надо сказать, что робок я был до того, что не смел показывать ей свою симпатию, не решался первый с ней заговорить, и не то чтобы поцеловать, а даже за руку взять не мог. Видя эту мою робость, она как-то пригласила меня с братом на чай и в карты поиграть. Мы приняли приглашение, вымыли лица и зачесали волосы с водой так, чтобы они держались как надо, и явились к ней на террасу. Я бы еще добавил, что мы надели свою лучшую одежду, но если бы вы видели эту одежду, то умерли бы от смеха. Там был и ее муж. Он сидел и холодно смотрел на меня сквозь очки, холодно, потому что подо-

зревал, что у нас с его женой был секс. Признаюсь, никакого секса у нас с ней очень долго не было — только чистые платонические отношения — с вздохами, стонами, томными взглядами, мечтаниями и замираниями сердец при виде друг друга и случайных прикосновениях. А потом, когда он узнал, что секса у нас с ней не было, то взбесился еще больше (но это отдельная история).

Так вот сели мы играть в карты и пить чай. Я же, играя, думал только о том, как мне показать ей, что я мужчина. Она сидела слева от меня, а муж напротив. И вдруг я вспомнил любимый мной в те времена роман Стендаля «Красное и черное», и методы, какими пользовался в обольщении Жюльен Сорель. Тогда, собравшись с духом, я взял ее за руку под столом. Я протянул свою трясущуюся конечность под стол, нервно схватил ее за колено, а потом нашел уже ее кисть. Ее рука оказалась теплой и приветливой. Я никогда раньше не делал таких вещей, поэтому сердце мое билось так, что его стук, казалось, слышит весь поселок. Я думал, что упаду сейчас с инфарктом или по меньшей мере потеряю сознание.

— Иван, — сказал мне ее муж, прямо глядя мне в глаза, — с тобой все порядке?

— Да, — ответил я нагло — теперь мне было все равно, что со мной будет, — да, все в полном порядке.

А дело было так. Он вызвал меня к себе и спросил прямо: «Иван, ты спишь с моей женой?» Это муж моей соседки на даче меня вызвал. То есть он пришел ко мне в сарай, где я коротал время за чтением «Книги перемен», сидя в полутьме за грязным столом, на котором помимо книги была банка с окурками, коричневый стакан с остатками чая и сахар в разбитой сахарнице. И еще было написано на этом столе: «Иван, 1917 год». Не знаю, как там появилась эта надпись, мы с братом часто гадали, каким образом и, главное, когда я успел побывать в прошлом, какие чудодейственные средства туда меня отправили. Причем наверняка в 1917-ом этого стола еще не существовало! Так вот, сосед пришел ко мне в сарай и сказал, бряцая бутылкой водки: «Иван, пойдем ко мне на террасу, есть разговор!» Я молча встал и пошел за ним, предчувствуя грозу.

Когда он мне задал этот вопрос — про интимные отношения с его женой — я растерялся. Я не мог признаться ему, что вообще еще ни с кем не спал и о сексе знаю только понаслышке. И даже не представляю толком, с какого края надо к сексу подходить и как за него браться. Поэтому, сделав наглое лицо, я сказал: «Понимаешь ли, у меня в жизни уже столько секса было, что больше не хочется! Надоело!»

От удивления он поперхнулся и вытаращил на меня глаза. «Иван, не смею сомневаться в твоей правдивости, уверен, что все сказанное тобой — сияющая истина, но все же в твоём возрасте у меня, например, секса почти не было. Как же ты смог так им назаниматься, что тебе прямо-таки надоело?!» «О! — ответил я, небрежно прикуривая, — сейчас такие времена и нравы, что нет ничего проще. Щас все это запросто!» «Вот тебе деньги, — сказал тогда он, — быстро дуй в магазин и обратно, чтоб одна нога здесь, другая там».

Когда поздно вечером приехала его жена с работы, мы все еще сидели на террасе и вели беседу о сексе — уже совсем пьяные. «Вот, — сказал он ей, указывая на меня, — перед тобой человек, который вообще не нуждается в интимных отношениях! Снимаю шляпу».

А в другой раз он решил меня застрелить. Теперь мне кажется, что это было так давно, как будто в прошлой жизни или, по крайней мере, тысячу лет назад, в самые темные средние века. В самом деле, то, что окружало меня в ту пору, никак не походило на условия современной цивилизованной жизни. Разбитая ветрами, дождями и временем лачуга с развалившейся печью, которую топить следовало с осторожностью, потому что задняя кирпичная стенка легко могла отвалиться, а передняя вывалиться, была моим домом. Стекла в старинных оконных рамах с облупившейся белой краской местами отсутствовали и вместо них торчали подушки в бурых разводах от слез, воды и чая, на столе месяцами валялись невымытые ложки, чашки, и стоял обгоревший желтый чайник, табуретки качались, как в шторм, а кровати, раз и навсегда застеленные, были жестки точно надгробные плиты. А вокруг лачуги — заросли, заросли и снова заросли, густые, темные и сочные, джунгли хрена и гречихи, сосны, яблони, вишни и огромная береза, цветы и высокая трава. Бывало,

встав с утра, я весь день просиживал за столом у окна, глядя на этот самый стол или сад, или на небо изредка, и попивая чай.

Так вот, однажды ночью пришел сосед, сел на косо́й табурет напротив меня, положил на стол пистолет, выпил водки и сообщил, что собирается меня прикончить.

Как-то мы дрались с ним всю ночь. С мужем моей соседки. Ему совершенно надоели мои платонические отношения с его женой, и он сначала решил меня пристрелить, но в силу ряда причин у него это не получилось. Поэтому он предложил мне выйти в сад для драки. Никто нам помешать не мог, все уже спали. Вообще весь поселок устал уже от нашего любовного треугольника, история этого адюльтера приелась людям, как скучная мелодрама. Это поначалу они смаковали происходящую у нас трагедию, сидя вечерами с чаем на верандах, а потом им надоело — так же как и американским телезрителям когда-то надоели регулярные трансляции экспедиций на Луну. Все рано или поздно надоедает.

— Пойдем, выйдем, — сказал он мне, — решим наш спор в честном бою!

А у меня, надо сказать, никакого спора с ним не было, это у него был спор со мной, но делать было нечего, и я вышел. И вот началась у нас драка. Хотя дракой это назвать сложно, я был еще тот боец, так что это скорее походило на избиение детей. Но я держался до последнего. Мы мотались по всему поселку, оба в синяках, ссадинах и царапинах (он тоже, потому что падал постоянно на камни и стекло), валились на заборы, убегали от собак, кричали о том, что оба ее любим. В итоге, к утру мы стали лучшими друзьями.

Наш дядя был человек крутого нрава. Особенно с похмелья. К сожалению, в нормальном состоянии мы его почти не знали, потому что пил он постоянно. Наверно, это тот самый случай, когда человека испортил алкоголь. И вот однажды случилась такая история.

Мы с братьями что-то делали на веранде его дома, и в ходе этих наших занятий куда-то подевали топор. Точнее, мы его взяли из ящика для инструментов, что-то им порубили, а потом бросили рядом с домом. И вот, проснувшись, дядя не нашел топор. Не помню, зачем ему спросонья понадобился топор, но зачем-то все же понадобился. Беда случилась, когда он его наконец нашел — где-то в траве или в зарослях хрена на заднем дворе. Он сразу понял, что это мы его там оставили, потому что сам он всегда очень аккуратно относился к своим инструментам. И вот, схватив этот топор, он погнался за моим братом, Святославом. Загнав его в угол на кучу щебня у стены сарая под сосной, он спросил бешено, потрясая топором: «Знаешь закон туриста?» Святослав не знал, и мы тоже не знали, и вообще не понимали, о чем идет речь. А дядя с красными дикими глазами орал на него и все спрашивал про «закон туриста». Подозреваю, что брат тогда от страха описался.

Припоминаю и другой случай, связанный с нашим дядей. Как-то его не было на даче, потому что он ушел по делам. Вам наверно ужасно интересно, какие могли быть у него дела? Вообще, когда он жил летом на даче, у него было всего три дела: пить, халтурить и торговать. Иногда он все это совмещал. В тот день, о котором идет речь, дядя, кажется, халтурил, то есть подрабатывал у кого-то на участке, делал какую-то неквалифицированную работу, вроде пилил сухие сучья. Однажды, кстати, с ним произошел классический случай — во время очередной халтуры он отпилил сук, на котором сидел, и упал с пятиметровой высоты.

А может, в тот день он торговал? Может быть. На рынке в Болшево он периодически приторговывал цветами, саженцами, ягодами. И, подозреваю, совестью. Так вот, пока его не было, мы играли около его дома во что-то непонятное, кидали друг в друга комья земли. В какой-то момент Святослав кинул ком в Сашу, но попал в стекло дядиной веранды, потому что Саша увернулся. Стекло, понятное дело, разбилось.

Когда дядя приехал, началась разборка. Он быстро выяснил расклад и сказал, что виноваты оба. Святослав — потому что бросил камень. А Саша — потому что увернулся.

— Ты знал, что за твоей спиной стекла! — сказал он. — Значит, ты не должен был уклоняться от камня!

А однажды мой дядя, грибник и просто хороший человек, музыкант и утонченный ценитель литературы, шел по карельскому лесу. Его окружали старинные сосны, то тут, то там лежали густые моховые шапки, точно снег на вершинах гор, звериные тропы пересекали путь. Он набрал уже немало грибов — боровиков, подосиновиков, подберезовиков, маслят, груздей и других. Он устал (хотя это была приятная усталость) и испытывал жажду. И вдруг увидел россыпь ягод на каком-то малознакомом растении. Несмотря на смутное представление о том, что это за растение, он все-таки решил отведать ягод. Человек он был опытный и по виду ягод решил, что они съедобные.

Очнулся он ночью, когда между ветвей в кронах светила луна. В лесу поскрипывало, шуршало и вздыхало, кто-то грустно стонал и ходил невдалеке. Из рта что-то текло, он отплевался и поднялся на ноги. Стоять было трудно, его качало и тошнило, но, цепляясь за стволы, он все-таки пошел. Ему казалось, что кто-то следует сзади, а еще кто-то прячется за стволами впереди и по сторонам, и выглядывает тайком, смотрит на него белыми глазами. И думал он о том, падая и вставая, цепляясь за сучья и проваливаясь в ямы, что страшнее встречи с лосями и кабанами может быть только встреча с самим собой.

Как-то поздно ночью на даче, когда сосед уже спал, мы стояли с его женой в саду и о чем-то беседовали. Я уже не помню, о чем мы говорили, возможно даже, что на самом деле мы молчали. Ночь была вроде бы теплой, и может быть пахло жасмином, который рос поблизости, а может, и нет, я не помню, цвели ли он тогда. Поначалу было так темно, что я различал только ее силуэт передо мной, хотя мы стояли совсем близко — нас разделяло сантиметров десять-двадцать. Потом стало светлее, и я уже мог видеть очертания ее лица. А часов в пять утра рассвело окончательно и все приняло свой обычный белый вид. Я тогда подумал, что человек, который всю ночь стоит на улице, дол-

жен бы почернеть на утро, так же как, скажем, если сильно облиться кофе, то будешь коричневым. Или если долго стоять под снегом, то побелеешь. Но мы не ради этого стояли, не ради эксперимента — мы стояли потому, что я собирался ее поцеловать, но никак не мог на это решиться. Она знала, что я собираюсь ее поцеловать и ждала, когда я это сделаю. Она прождала всю ночь, но так и не дождалась. А в пять утра вышел ее муж с очень злым лицом и спросил: «Иван, мне что, танк надо вызывать, чтобы убрать тебя отсюда?»

Иногда наша дружба с мужем моей соседки, с которой у нас был роман, принимала странные обороты. Хотя не уверен, что это подходящее слово для наших отношений — «роман». Скорее, это была песня. Или даже пьеса. Ну не важно. Так вот, как правило, все было вполне заурядно — мы пили чай, играли в карты, беседовали о литературе и кинематографе, совершали променады на пляж и тому подобное. Часто мы вечерами сидели все вместе на веранде допоздна: он, она и мы с братом. В общем, все было прилично. Но не всегда. Например, он мог вдруг явиться на рассвете и начать стучать в дверь. Мы с братом просыпались, смотрели в розовеющие окна и Святослав спрашивал: «Что такое? Кого принесло в это недоброе утро?» «Не знаю, мсье Святослав, — предполагал я, — может молочница?» «...чница, — отвечал он, — где мой топор?» И тут мы слышали голос соседа: «Пацаны, открывайте, это я». Заспанные, мы открывали дверь, и он входил вместе с утренней свежестью, очки запотели, сапоги в росе, а от шинели — суровый запах табака. В одной руке — банка огурцов, в другой — бутылка водки. Мой брат пытался протестовать: вроде пять утра еще, может не стоит, но сосед был таков, что с ним не поспоришь.

Сами понимаете, что раз день так начинался, то окончится похорошему он уже не мог. И правда, далее следовало черт знает что. Поездки в магазины, пляж, поиски денег, ссоры, попытки самоубийства, потери. Так, припоминаю странный эпизод — на закате дня я качу вдоль реки на велосипеде. Я в одних плавках, одежда неизвестно где. Мой сосед сидит сзади на багажнике с большой вяленой рыбой в руках. Он периодически падает и разбивается о

щепень. Приходится все время останавливаться, чтобы он сел обратно. В итоге я все же не доглядел — сначала мы потеряли рыбу, а потом я потерял его.

А как же мы познакомились? С чего началась эта долгая платоническая история с прозаическим концом? Наверно, подумаете вы, моему знакомству с соседкой предшествовали робкие взгляды, случайные встречи на дороге, невольные прикосновения, вызывающие дрожь, романтические послания и томительные мечты со стонами и вздохами? Бессонные ночи, мягкие простыни и все такое? Нет. Дело было, если не изменяет мне память, кажется, так.

Мы с братом сидели на недостроенной его отцом бане и пили пиво. Почему не за столом, а на бане? — спросите вы. Потому что, — отвечу я, — с бани открывался чудесный вид на соседние сады с их старинными домами, деревьями, травами и цветами. И сидели мы там, как в засаде или как в джунглях — справа на крышу залезала густая крона яблони, позади, кажется, вишня. А слева был забор, за которым жили наши соседи. В тот день они сидели за столом на улице и тоже пили пиво. В какой-то момент между нами завязался разговор, и сосед предложил нам присоединиться к их столу. Мы приняли приглашение. И вот вечером того же дня возникла между мной и соседкой какая-то ниточка, которая потом превратилась в толстый канат. Помню, мы долго сидели, болтали, смотрели на темнеющее небо, на котором медленно распускались звезды. Отчетливо помню, что об этих звездах у нас состоялся обстоятельный разговор, но вот что именно мы говорили — не помню. Еще помню самовар, зелень сада на фоне, серые сухие доски стола, ощущение начала романтического приключения и блестящие очки соседа. Ну и, конечно, волнующую близость соседки, которая сидела рядом и жадно внимала мне, как будто с моих уст слетали чудесные псалмы. Но нет, язык у меня во рту едва ворочался, и я рассказывал ей что-то о Сартре, Камю и моем брате, и в конце концов заплакал.

Вообще мы были интеллигентными детьми, с развитыми представлениями о должном, правильном и прекрасном. Мы были воспитаны на классической литературе, на лучших образцах изысканного вкуса и утонченных манер. Поэтому мы не могли, например, купаться без плавок. На пляже, куда мы ходили, будь то Плотина, Собачий или Золотой, мы стеснялись переодеваться в открытую и наматывали полотенца на свои тощие бедра, чтобы надеть плавки перед купанием или чтобы снять их после купания. При этом мы очень волновались, что нас кто-то увидит обнаженными! Думая об этом, я удивляюсь, до чего же извращена наша культура. В самом деле, почему некоторые органы должны быть непременно спрятаны от чужих взоров, в то время как другие части тела показывать совсем не стыдно, например, старые целлюлитные ляжки и лица. Ну да ладно.

И вот, как-то мы шли купаться с нашим дядей. Он, конечно, уже выпил, иначе он ни за что не пошел бы с нами купаться. В то время он был уже далеко не молод, с большой лысиной и седой займой, которой он эту лысину прикрывал. Мы пришли, кажется, на Плотину. Там было полно народу, потому что стоял солнечный жаркий день. Люди купались, загорали, бегали по берегу, играли в бадминтон или карты. И вдруг наш дядя снял штаны, а трусов у него не было, и голый с криком побежал к воде. Не знаю, зачем он кричал, то ли чтобы показать свою удаль, то ли ради удовольствия, то ли, чтобы привлечь внимание окружающих. Последнее ему удалось, все, конечно, стали смотреть на него. Он прыгнул в воду, продолжая кричать что-то типа: «Эх! Хорошо, б-дь!» и «Чего стоите, пацаны! Айда, б-дь!»

Нам, конечно, неловко было после этого заматываться в свои полотенца.

Как-то дядя поджарил вкусные шкварки. Не могу сказать, что я любитель таких блюд, но в этот раз мне понравилось. Так я ему и сказал:

— Дядя, офигительные шкварки.

Он засмеялся, вспомнив какую-то веселую историю, и ответил:

— А знаешь, что мы, музыканты-духовики, называли шкваркой, когда были студентами?

По его лицу видно было, что сейчас он намерен рассказать что-то ну очень смешное.

— Нет, не знаю.

— Валторну! — хохоча, заявил он.

Я даже не улыбнулся. Он понял, что шутка осталась непонятой, и с раздражением пустился в длинные объяснения, что у валторны самый божественный звук и какова партитура духового оркестра. Этот рассказ — про партитуру — я слышал десятки раз с самого детства, но так и не смог ее запомнить. Хотя он меня и предупреждал: «Ваня, всякий интеллигентный человек обязан знать партитуру духового оркестра!»

Был и случай предательства — первый в истории моих романических отношений. Однажды случилось так, что муж моей соседки уехал и должен был остаться в городе на ночь. В этой связи она ждала меня вечером в гости. Но не для того, чтобы слиться в порыве бешеной страсти в супружеской постели, пока хозяина нет, совсем не для этого — потому что мы были слишком благовоспитанны. Нет, мы собирались провести время в общении, за чаем, наслаждаясь тем, что мы просто вдвоем, без посторонних. А получилось так, что еще днем другой мой сосед, какой-то бизнесмен, торгующий совестью, пригласил меня в гости по случаю торжества. К нему приехала подруга с вполне взрослой дочерью, и вот они намеревались отмечать как будто день рождения. Я принял приглашение и явился, даже не занявшись туалетом — то есть не побрившись, не причесавшись, не умыв лица и не сменив одежду. Правда, если бы я сменил одежду, то было бы еще хуже, потому что я и так всегда ходил в лучшем, что у меня было. И спал часто в нем же. Но это к делу не относится.

Итак, мы сидели за столом в саду, выпивали, ели и болтали о том, о сем. За празднованием я и не заметил, как стемнело, а мысли о соседке закатились куда-то за горизонт вместе с солнцем. В какой-то момент бизнесмен предложил мне с девушкой прогуляться, и

добавил, что сам он тем временем покажет ее маме кое-что в доме. Я сразу сообразил, что он собирается показать ей в доме. И тогда же я понял, зачем он меня пригласил — чтобы дочери его подружки скучно не было, пока он что-то ей показывает. Я согласился и повел девушку на пляж по темным дорогам, рощам и оврагам. Мы шли в темноте, держась за руки, и мне все казалось, что кто-то смотрит с упрёком мне в спину — уж не знаю, кто это был, может, паранойя, а может, моя совесть, или просто тяжелая полная луна. Что было далее, пусть останется покрытым тайной, но вернулись мы совсем уже ночью — часа в два или три. Когда мы с ней расстались и разошлись по своим домам, я вдруг вспомнил про свою соседку. Свет горел у нее на веранде, и я понял, что она еще не спит. Недолго думая, я перелез через забор и увидел, что она сидит за столом и механически раскладывает черт знает какой по счету пасьянс. «Привет, — сказал я, с нарочито наглой улыбкой заходя в дом, — сигареты есть?» Я понимал, что мое поведение не самое удачное в такой ситуации, и что от меня разит стыдом и поцелуями, но что еще я мог сказать? Она посмотрела на меня прохладно и ответила: «Вань, иди спать».

И кое-что еще припомнил я из нашего знакомства. Когда мы сидели все вместе за столом в саду, беседовали, пили французское вино, вроде как из Бордо, марку точно не помню, возможно — Шато Ля Гроле или Шапель де Потансак и закусывали, кажется, фуагра и мягкими сырами из Оверни, нас с братом вдруг потянуло не пение. Вы наверно сейчас уже думаете: «Иван, хватит п..., какие вина и сыры, вы там пиво пили или какой-нибудь дешевый портвейн, а закусывали мечтами о сексе и сигаретным дымом». Да, так и было, извините, никаких вин мы не пили и ничем хорошим не закусывали, но и не важно — это не мешало нам чувствовать себя так, будто мы сидим в уютном ресторане где-нибудь на набережной Ла-Рошели, а вокруг вьются официанты и прекрасные женщины бросают на нас томные взгляды.

Так вот, в какой-то момент нам с братом захотелось петь. И мы взяли и запели. Соседа, конечно, передернуло от нашего пения, он закатил глаза и скривил губы. А к тому времени весь поселок уже

тошнило от нашего пения, потому что пели мы и днем, и ночью, и это притом, что у меня нет ни слуха, ни голоса. «О, опять! Раненые вампиры идут» — стонали жители поселка и закрывали ставни даже в жару, потому что пели мы не просто песенку или две, нет! — наш репертуар состоял из пары десятков песен. Мы вкладывали в каждую песню всю душу и всю мощь голосовых связок. Мы не стеснялись никакой обстановки, в любой ситуации и в любом месте, в лесу ли, в транспорте, в кафе или магазине мы могли взять и запеть. Сейчас я ни за что не запел бы, мне становится неловко от одной мысли, что я могу запеть. А тогда нам это нравилось. И вот, сидя ночью за столом, мы запели. И что удивительно, соседка наклонилась к моему уху и прошептала нежно, касаясь меня теплыми губами: «Мне очень нравится, как вы поете! Так душевно! У тебя очень красивый голос!» Я обрадовался, польщенный, и запел еще громче — так, что сосед совсем помрачнел. А теперь, спустя годы, я думаю — она же меня тогда наверно обманула.

Правда, помимо уже рассказанной версии событий, есть у меня еще одна. Это касается нашего знакомства с соседкой. Странно, но у меня в памяти сохранились две истории о том, как мы познакомились. Одна — как она пригласила нас в гости, когда мы сидели с братом на бане и пили пиво, другая — как она сама пришла к нам, когда мы с братом пили чай у себя в саду. И видимо, этот вот, второй случай, был раньше.

Помню, стоял летний вечер. Солнце уже почти зашло, и сад окрасился глубокой синевой, укромные участки в кустах и траве утонули в тенях, поселок замер в тишине. Мы сидели за столом, пили чай из старинного самовара, на нас веяло сиренью, и сыпалась всякая труха с березы и сосен. Хотя, возможно, было и не так уж поздно, может быть, еще только начинало вечереть, и с соседних участков доносились звуки жизни, а сирень давно уже отцвела. Как бы то ни было, мы с братом сидели за столом под березой и пили чай из самовара. Я был в ужасной, идиотской зеленой махровой беретке. Если бы я сейчас кого увидел в такой беретке, то расхохотался бы. А тогда мне, видимо, казалось, что это очень классно, и я прекрасен.

И вдруг из-за забора соседка спросила нас: «Ребята, можно к вам, чаем угостите?» Что-то такое она сказала, точно не помню. Мы, конечно, согласились, и стали пить чай втроем. И вот с этого-то все и началось. И теперь, думая о тех временах, я задумываюсь: уж не обольстил ли я ее той береткой?

Я сейчас скажу полную банальность, но, тем не менее — мне кажется, надо уметь смеяться над собой, смотреть на себя со стороны (желательно с отдаленной перспективы — откуда-нибудь с горы, а еще лучше из космоса, так, чтобы выглядеть поменьше на фоне большой Вселенной), и иногда подвергать сомнению собственную значимость. Некоторые на это скажут мне: «Б..., Иван, сообщил новость, а мы не знали!» Я понимаю, конечно, что знали, об этом говорят на разные лады уже тысячи лет, от Будды до Ницше (да и раньше, и позже тоже говорили) — увидь себя со стороны, осознай иллюзорность своих повседневных забот, их подлинное значение и происхождение, а может, и иллюзорность своего «я». Мне даже кажется, такое осознание является основанием для достоинства и душевного равновесия.

Помню, например, как-то сидели мы с братом у соседей на даче и играли в карты. Я был в той самой дурацкой махровой беретке, благодаря которой, как мне казалось, я обольстил жену соседа. За окном смеркалось, веранда освещалась неярким золотистым светом бра, так что в одном из стекол (справа от меня) я мог видеть свое отражение на фоне темных буро-зеленых зарослей в саду. И чем сильнее смеркалось, тем четче вырисовывалось мое отражение. Мы играли, я а все поглядывал в окошко и думал: какой же я красивый и как мне идет эта зеленая беретка, должно быть, соседка смотрит не меня и млеет! А она и правда смотрела на меня частенько и улыбалась. Я же, чтобы усугубить свое величие, старался сделать особое выражение лица, присущее красавцу и романтическому герою. Наконец она не выдержала и сказала: «Вань, ну зачем ты делаешь такое дебильное лицо?» Я тогда очень обиделся, и мне совсем было не смешно.

Вообще, я, конечно, понимал, что молодой человек должен добиваться расположения девушки долго и мучительно. Он должен месяцами стоять на коленях под ее окнами — каждую ночь, в дождь и слякоть, в град и снег, в любую непогоду и ненастье, и петь романтические серенады. В надежде на то, что когда-нибудь она, наконец, выйдет в лунную ночь на балкон и взглянет на него, тощего и бледного от любви, и соизволит кивнуть ему едва заметно, ну или хотя бы смахнет с подоконника в его сторону лепесток розы. Тогда юноша должен, захлебываясь слезами счастья, схватить этот лепесток и жадно целовать его, прижимая к лицу и вдыхая его аромат, как самый восхитительный на свете и несущий частичку возлюбленной. И рано или поздно (скорее поздно) она, тронутая его преданностью, соизволит спуститься к нему побеседовать о погоде, и может быть (но вряд ли) согласится прокатиться с ним на лошадах куда-нибудь недалеко. А то, что мы наблюдаем в наше время — это просто не пойми что такое. Уже и не ясно, кто кому теперь серенады поет.

Хотя у мужа моей соседки были другие взгляды на этот счет. Трудно, говорил он, в наше время приходится молодым людям. Они хрупки, и им сложно удержаться от соблазнов этого мира. Девушки ухаживают за ними день и ночь, добиваются расположения и усыпают цветами дорогу, скребутся под дверь и плачут под окнами... Ну и как тут устоять? А тем не менее молодой человек должен быть стоек и сдержан, беречь свою честь, блюсти приличия и не поддаваться сразу на коварные девичьи уговоры. Ведь девушкам только одно надо, одно у них на уме. Молодой человек может позволить себе согласиться разве что на прогулку в парке, или посидеть в кафе, ну уж никак, повторяю — никак нельзя сразу соглашаться идти в кино. Потому что в кино, конечно же, немедленно начинается безобразие, распускание рук, приставание, навязчивые напомаженные поцелуи и все такое. А все такое — не иначе как по любви и после предложения руки и сердца!

●

Однажды мы с братом замыслили интересный эксперимент. Поскольку мой брат был в те времена человек воцерковленный, часто бывал в храмах, монастырях и прочих святых обителях, у него накопилось очень много воска и парафина. Он тогда пел на службах. «Девушка пела в церковном хоре, о всех кораблях, ушедших в море» — это как раз про него, хотя он и не был никогда девушкой. Но, с другой стороны, мужчиной он тоже тогда еще не был. Так вот, в наших кладовых и закромах на даче, а попросту где попало, лежали килограммы парафина и воска. Чтобы добро не пропадало, мы решили пустить все это в дело. В саду, под старинной сосной, мы развели костер, а над костром расположили большую кастрюлю, в которую покидали куски воска и парафина. Пока содержимое кастрюли плавилось, мы набрали воды в пластиковые бутылки. Когда жидкость закипела и стала воспламеняться, мой брат, используя бутылку как брызгалку, выплеснул часть воды прямо в бурлящую массу. Тотчас огненный гриб, метров десять высотой, вырос над костром и опалил ветви сосны, и нас тоже, хотя мы и бросились ничком в траву. Взрыв сопровождался громким хлопком и раскаленными брызгами смеси парафина и воска. Поднявшись, мы пощупали опаленные волосы, переглянулись, и принялись готовить вторую порцию.

●

А как-то мы с ним были на церковной службе и слушали песнопения. Рядом стояла рыжая девушка, с волосами, похожими на пылающий огонь, с фигурой Венеры и взглядом искусительницы. Вообще она была моей ровесницей, может, на год старше, но мне она казалась взрослой и демонически опытной, знающей нечто такое, о чем я только смутно, с внутренним трепетом, пробирающим меня в груди и животе, мог догадываться. Она испытывала какие-то чувства к моему брату и смотрела на него загадочным, манящим, многообещающим взглядом. Если бы она смотрела так на меня, я бы сдал все бастионы, я бы отринул веру и непорочность и пошел бы за ней куда угодно. Но брат мой в ту пору был непоколебим, он пел в хоре, читал молитвы и твердо избегал греховных желаний. И вот, то слушая

песнопения, то глядя на рыжеволосую девушку, я пришел в такое сложное состояние, что потерял сознание и повалился на хоругви, увлек за собой подсвечник и растянулся без памяти на полу.

Интересно, что между мной и братом была некая мистическая связь. Что случалось с ним, то случалось и со мной, причем почти в одно и то же время. Если с кем-нибудь из нас происходила какая-нибудь неприятность, то похожее следовало ожидать и другому. Например, когда я, упав с велосипеда, разбил лицо, то аналогичная история приключилась и с братом, и в тот же день. Пока я валялся на шоссе, мой брат, намеренный покорить сердце одной бессердечной девушки, а может, и не бессердечной, а просто каменной, или не каменной, но весьма прагматичной, совершал прыжок с плотины в бушующий водопад. На самом деле, конечно, это был никакой не водопад, а грязная, еле текущая речка, но высота плотины сама по себе заслуживала уважения. И вот, желая произвести на избранницу неизгладимое впечатление, он взял да и прыгнул головой вниз с этой плотины. А поскольку река совсем обмельчала, то он воткнулся головой в песок, где было много битого бутылочного стекла. К сожалению, она не оценила его подвиг, достойный Роланда Ариосто.

Дети очень легко впитывают дурное. Хорошим примерам они следуют не так охотно, как плохим. Вероятно, то, что запретно, особенно привлекает их своей труднодоступностью. Еще в совсем нежном возрасте мы с братьями узнали всякие ругательные слова. С тех пор мы разговаривали друг с другом только матом. Как-то мы играли в саду около старой березы во что-то, в куклы или в дочки-матери, и сопровождали нашу игру резкими словами, вроде: «Ну что же ты, Святослав, е... твою мать, куда куклу ложишь, с..., ей же там х..., б...». А он: «Парни, вы о..., куда же ее еще положить, идите вы в п...». А мы ему: «Или ты ее сейчас положишь куда надо, или ты будешь в...». Хотя скорее всего мы играли в другие игры, в войну или в кар-

ты, но беседы при этом были примерно такие же. В какой-то момент, не выдержав, сосед заглянул к нам через забор и сказал: «Парни, я прошел Афган, но такого мата не слышал никогда. У меня тут жена и ребенок, выражайтесь, пожалуйста, потише. Извините».

Пение — это большое удовольствие. Оно как-то удивительно и увлекательно занимает, одухотворяет, окрыляет душу, возвышает над повседневной суетой. Стоит запеть, особенно хором, как сразу же чувствуешь себя совсем иначе, чем до того, как запел. Пение — это отдушина в нашем печальном мире, возможность на миг вырваться за границы обыденного и все такое. И, надо сказать, раньше я всюю пел. Пел я постоянно, почти каждый раз, как мы встречались с братом, а встречались мы с ним часто, точнее даже будет сказать, что мы почти не расставались, потому что жили вместе на даче. Петь мы начинали уже, как правило, под вечер, или даже к ночи, когда все маленькие дети были уложены, а взрослые садились на застекленных террасах пить чай в свете заката, видимого по медным цветам елей, сосен и берез. И, конечно же, дети просыпались, а взрослые плевались чаем и давились конфетами, сухарями и булочками, потому что пели мы очень громко. Даже не просто громко, а кричали что есть сил, как раненые медведи. Так уж получилось, к сожалению, что нет у меня ни слуха, ни голоса. Правда, у брата моего были кое-какие способности, все-таки он, как та девушка, что «пела в церковном хоре, о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех, забывших радость свою» — тоже пел в церковном хоре. И допелся.

Однажды давным-давно, когда я был еще очень юным и в моей голове не было ни одной здоровой мысли, только женщины, карты, табак и пьянки, случился сильный град. Было мне тогда лет тринадцать-четырнадцать. Хотя не могу сказать, что с тех далеких пор в моей голове прибавилось здоровых мыслей. Возможно, их даже уба-

вилось. Во всяком случае, курить я бросил. Так вот, случился сильный град — такой невиданной мощи, что нам с братом казалось, будто с неба сыплются камни величиной с кулак и более. Мы были где-то в пути и спрятались под надежным укрытием. О боже, — думали мы, — если бы мы сейчас не нашли укрытия, нам пришел бы конец! Нас бы поубивало этими градинами! А градины падали и падали, бились о землю, покрывали ее толстыми кусками льда. Мы в то время были людьми близкими к вере, ходили в церковь, а мой брат даже (в свободное от пьянок, женщин и карт время), как я уже говорил, пел в церковном хоре. И мы подумали, что не иначе, как божья кара обрушилась на поселок за наши грехи — ведь нашими стараниями он превратился в гнездо разврата, Содом и Гоморру, грязный вертеп, юдоль скорби для всех праведников. Когда град прошел, мы, понурив головы, направились домой. Мы ожидали увидеть, когда придем, страшные разрушения — дырявую крышу, разбитые стекла, поломанные деревья и цветы в саду, убитых наповал кошек. Но, к нашему удивлению, никаких разрушений град не произвел, как будто бы стороной обошел наш сад! Мы тогда мысленно воскликнули осанну, и вернулись к своим старым грехам.

Мой брат часто мне говорил: «Иван! Бесплатный секс бывает только в мышеловке!» Уж не знаю, зачем он мне это говорил, потому что в те времена, когда он начал это говорить, мы еще и не помышляли ни о каком сексе, а играли в солдатиков, прятки и сифака (это игра такая — попади какой-нибудь штукой в другого). А если и помышляли, то чисто умозрительно, теоретически или, как бы лучше сказать, — абстрактно, что ли, то есть хотели, но не знали чего именно и что же это такое.

И вот, когда мы подросли немного, он мне продолжал говорить, как и прежде: «Иван! Бесплатный секс только в мышеловке!» А я в ранней юности был невероятно горяч и страстен до приключений. Ох, как я был горяч!.. Ну не важно. Так вот, я собственно только о сексе и помышлял, ничего не было в моей голове, кроме секса. И я полагал, что у девушек в голове то же самое. Поэтому часто происходили недоразумения и недопонимания. Вроде: «О, зачем же ты

полез мне целоваться, ты все этим испортил!» или «Как? Уже? А как же узнать друг друга, кино, кафе и променады под луной? Нет, я так не могу!» Только в результате многих проб и ошибок я понял, что да, в самом деле — у девушек в голове то же самое, только намного, намного сложнее! Существует сакральный ритуал, социально-экономический обряд, который необходимо соблюсти, чтобы быть допущенным к телу. И теперь я удивляюсь, что мой брат знал уже в детстве то, что я постиг только в зрелом возрасте. Бесплатный секс бывает только в мышеловке.

•

Страшным финалом наших с соседкой отношений стал пожар — когда дом в считанные минуты был охвачен огнем и сгорел дотла. Мой брат с полутораметровым топором бегал по саду и рубил зачехотанные заборы, и вид у него был такой безумный, что никто не хотел стоять у него на пути. Ветви на соснах с треском вспыхивали, искры, кружась, летели в разные стороны, как фейерверки, дома, люди и заросли вокруг побагровели. Мне казалось, что горит весь мой мир — это была гибель Помпеи. Я стоял в сторонке вместе с соседкой, мы держались за руки и молча смотрели на все это, пламя горячило наши лица, а мимо метался брат. Наверно, мы оба тогда поняли, что все закончилось, и нас больше нет. Привычный сад ужасно изменился — стал красным, пепельным и грязным. Стерлись все следы, все отметины, все знаки, с помощью которых мы были привязаны к этому месту, в одно мгновение оно стало чужим, точно какая-нибудь пустыня на Марсе. И странно, но оказалось, что наши отношения тоже были привязаны к месту, они закреплялись и подтверждались пространством, в котором происходили, и вместе с его гибелью погибли сами. Во всяком случае, так я тогда думал.

•

Однажды, когда я сидел в сарае, уцелевшем после пожара, пил чай и читал книгу, вроде Новалиса, ко мне неожиданно заявились сосед с женой. Он был подозрительно чисто выбрит и прилично

одет, она же имела какое-то непривычно отстраненное выражение лица, так что я сразу заподозрил неладное.

— Иван, — сказал он, присев на стул напротив меня, — мы хотим с тобой поговорить по душам.

Это «по душам» он произнес с большой долей иронии.

Я закрыл книгу и приготовился, готовый к тому, что дальше и случилось:

— Мы поняли, что ты негодяй и подлец. И больше не будем с тобой общаться. Пока! — это уже сказала она.

В общем, конечно, разговор был более подробный, состоялась даже дискуссия на тему о том, что считать непорядочностью, и я попытался доказать им, что черное — это белое, а белое — это черное, используя софистические приемы. Они мне не поверили и ушли.

Что же, — подумал тогда я, отбросив книгу на кровать, — прошла любовь. Она была со мной как никогда холодна, да и я вдруг с удивлением обнаружил, что не особо огорчился. Станным образом во время пожара, который накануне изувечил наш сад, как будто выгорели и наши с ней отношения. Я собрал вещички (то есть взял с кровати книгу Новалиса) и уехал в Москву. Там я, наконец, переоделся, принял ванну, побрился, постригся и отъелся.

Некоторое время я прожил в городе и совершенно позабыл про свою любовь. Вернее, я не то чтобы совсем позабыл о ней, но она стала казаться мне чем-то давним, туманным и зыбким, как будто уже не имеющим ко мне прямого отношения. Я вспоминал о ней с легкой ностальгией, как о чем-то из прошлой жизни.

Спустя несколько недель я вновь приехал на дачу. Моего брата в саду не было, вероятно, он пошел волочиться за девушкой с огромной косой. Я вот написал — «девушка с огромной косой», и подумал, что это походит на описание смерти. В каком-то смысле, так и было, мы за ней, конечно, тоже волочились, но я сейчас о другой — эта девушка была человеком, и коса была из волос.

Я пошел на «площадку» — так называлось место, где рос огромный дуб и где жила та девушка с косой. По пути я должен был миновать дом родителей моей соседки. Я шел по старой земляной дороге в гу-

стой тени деревьев и кустарников и мысленно напевал, думая о том, что мы сейчас вот встретимся с братом и устроим нечто такое, что все будут в шоке. И вдруг отворилась калитка, ведущая в сад родителей моей соседки, и на дорогу вышла она сама. Она подбежала ко мне, вся такая воздушная и прекрасная, мне даже показалось, что она богиня и от нее веет всеми цветениями весны, и сказала взволновано:

— Я сидела с мамой и внезапно почувствовала, что ты идешь мимо!

Мы взялись за руки, и меня охватило странное чувство — я был счастлив просто от того, что мы встретились и что мы рядом.

Одно время в нашу речь прочно вошло такое слово: «сермяга». Не помню, в какой именно связи, но оно очень прижилось, так что стало постоянным междометием. О чем бы мы с братьями ни говорили, обязательно упоминали сермягу, но обсуждали ее не саму по себе, потому что мы никогда не знали, что это такое, а в связи с чем-либо, как пояснение к чему-то, как выражение отношения или свойства. Например, выказывая одобрение, я мог сказать: «Да, это сермяжно!» Или «В этом есть что-то сермяжное!» Или даже так: «Без доли сермяги здесь не обошлось!» И так прицепилось ко мне это понятие, что я использовал его почти в каждом предложении и по любому поводу. Соседку страшно это раздражало. Допустим, она хотела со мной обсудить будущее наших романтических отношений (девушкам всегда интересно это будущее) и спрашивала меня: «Вань, ну а дальше-то что? Как ты думаешь?» А я качал головой, смотрел в пол и, скривив губы, произносил уклончиво: «Да, есть в твоих словах доля сермяги!» «Блин, Ваня, — злилась она, — какой сермяги? Что это за гадость такая — сермяга? При чем здесь сермяга?» А я не отступал: «Ну как при чем, сермяжные вещи ты говоришь!»

Мне всегда казалось, что соседка должна первая предпринимать какие-то шаги для развития наших отношений. Что она должна

приходить, что-то предлагать, в общем, проявлять инициативу. Наверно, мне так казалось, потому что она была старше и замужем. А может, и не поэтому. Короче говоря, я не мог себе и представить, чтобы я сам что-то ей предложил, но всегда старался сделать так, чтобы быть увиденным или услышанным, то есть пытался ее спровоцировать на действие.

Как-то после долго периода (конца осени, зимы и первой половины весны), в течение которого мы с соседкой не виделись, я вновь приехал на дачу. За это время я, честно говоря, совсем позабыл про нее. У меня были романтические приключения зимой, и случилась первая интимная близость, так что приехал я уже не мальчиком, но мужем. И с немалой гордостью подумывал про себя, что я теперь мужчина, а не просто так — ведь годам к шестнадцати я уже всерьез опасался, что так и проживу всю жизнь девственником и девственником умру.

И вот я приехал на дачу и о соседке вспоминал свысока, как о забавном детском недоразумении, до которого мне нет больше дела и до которого я если и снизойду, то лишь ради смеха.

И в самом деле, всю первую половину дня, что я проводил на даче, я совершенно не помышлял о ней, а преспокойно читал книги и пил чай в саду. Однако к вечеру, когда день подходил к концу, я начинал сильно нервничать. Я вдруг понимал, что с самого утра и весь день надеялся, что она придет и заговорит со мной. И чем позже становилось, тем меньше оставалось на это шансов, и уже под ночь я в полном расстройстве буквально стоял у забора, как собака у двери хозяина, глядя на горящие окна ее веранды. И когда в окнах гас свет, я переживал сильнейшее разочарование и отчаяние. Я долго не мог потом заснуть, бродил по ночному саду, заглядывал через забор, издавал громкие звуки в последней надежде хоть как-то привлечь ее внимание. А на следующий день повторялось все то же самое. С утра я сидел и читал беззаботно книгу, а к вечеру уже не мог сосредоточиться на тексте и все чаще поглядывал в сторону ее дома с растущей тревогой. Но она не приходила.

•

Не решаясь сделать первый шаг, я мог неделями сидеть у забора и ждать, что она, наконец, обратит на меня внимание, придет, заговорит, пригласит в гости. Она же, видя мое напряженное показное

равнодушие, думала, что я больше не хочу с ней общаться и, естественно, не приходила. И вот я сидел на деревянной скамье и ждал, час за часом, день за днем, и все больше и больше расстраивался. В какой-то момент я почувствовал, что скоро сойду с ума, если не разрешу этот внутренний конфликт. Вроде бы, что могло быть проще — взять и пойти к ним в гости, заговорить о чем-то, что-нибудь предложить, сыграть в карты, попить там чаю...

Но мне все это представлялось невероятным, невысказанно сложным, невозможным. «Как, — думал я, — как я могу к ним прийти? Что я им скажу? Это исключено!» Короче, мне это казалось какой-то неслыханной дерзостью. И я трусливо продолжал сидеть на скамье в саду, сливаясь потихоньку с растениями. Но, в конце концов, мое напряжение достигло кризисной отметки, и я понял, что у меня нет другого выбора — я должен сам пойти к ним или попасть в сумасшедший дом. Стиснув зубы, дрожа от волнения, я вскочил на забор и увидел у ступенек веранды ее мужа, задумчиво курящего папиросу. Он странно на меня посмотрел, наверно испуганный моим лихорадочным состоянием. «Тебе чего, Иван?» — сказал он тихо и умиротворяюще, как, наверное, разговаривают с помешанными. «Выпьем?» — возбуждено предложил я. Он согласился и предложил мне зайти. С тех пор я снова стал частым гостем в их доме и все пошло как прежде.

Как-то я решил оказать ей знак внимания: подарить цветы, но не просто так взять и банально подарить, а сделать это с романтической интригой. Потому что всем известно — девушки любят романтический ореол в отношениях, без этого они вянут (я имею в виду отношения, а не девушек). Для осуществления своей затеи я попросил помощи у брата. Мы дождались темной глухой ночи, когда не было на небе луны и звезд, только блеклые серые тучи, и плотный туман обволакивал свет фонарей, не давая им толком светить. Хотя, как я давно заметил, как раз в ясную лунную и звездную ночь наибольшая тьма и меньше всего видно, а вот в облачную ночь, наоборот, можно хоть что-то разглядеть. И вот, после полуночи мы полезли сквозь пролом в заборе через персидскую сирень, цветущую черным во мраке, в сад моей возлюбленной. Ветки сирени лезли в глаза и

царапались, ржавые гвозди в заборе впивались, точно когти. Где-то невдалеке выли собаки по-волчьи, по примете предвещающая чью-то смерть. Не дыша, едва ступая, мы приблизились к их дому. В руке я нес розу.

Стараясь не шуметь, мы вытащили стекло из окна веранды и залезли внутрь. Там я поставил розу в вазу, стоящую на столе. Рядом с вазой лежала колода карт, и я зачем-то взял из нее то ли тройку, то ли семерку, то ли туза, не помню, а может, просто карту наугад, какую-нибудь даму пик. Затем мы вылезли обратно и беззвучно вставили стекло на место. Вдруг послышался шум из дома, и мы поняли, что нужно бежать. Мы рванули по выложенной плитками дорожке к забору. Дорожка оказалась скользкой — видимо, из-за конденсата, и я поскользнулся и упал на нее грудью. Мне было очень-очень больно, поэтому я жестко выругался вслух, но встал и побежал дальше, преодолевая боль, едва не плача и мысленно матерясь. «Кто там?» — раздался сонный встревоженный голос позади, но мы, естественно, не стали останавливаться и отвечать. А спустя некоторое время ее муж захотел меня пристрелить.

Однажды, после очередного долгого отсутствия, я приехал на дачу. Выйдя из электрички, я направился знакомыми с детства тропами к нашему дому. Я шел по еловым и сосновым иголкам, устилавшим земляную дорогу, шел вдоль деревьев, садов и заборов, шел в тени и под вечерним летним солнцем — и думал о соседке. О, — думал я, — как же мы обрадуемся, увидев друг друга! Я еще не знал, как произойдет наша встреча, какие шаги мы предпримем, чтобы побыстрее встретиться и пообщаться, но уже испытывал волнение от того, что пространство между нами сокращалось. Я шел, думал так, и легкий ветерок трепал мои волосы, как бы волнуя меня еще сильнее. И вдруг...

На одной из дорог на перекрестке я увидел ее. Вообще там было много дорог: одна вся черная, темная, в елях и соснах, вела к таинственному Дому правления; другая — к пересечению с нашей улицей, где мы жили, там еще были зарыты огромные трубы, чтобы вода перетекала по ним из одной канавы в другую; третья, заброшенная и

пустынная, где никогда никто не выходил из домов и калиток (словом, мертвая улица), вела на поле, по которому мы любили побегать наперегонки с облаками, ну, а четвертая дорога — это та, по которой я шел от станции. Так вот, она шла по той, которая вела к облакам на поле.

Я так растерялся от неожиданности и так разволновался, увидев ее, что не мог вымолвить ни слова, и только смотрел на нее напряженно, как испуганный лось. Она приблизилась и сказала радостно: «Привет, Вань!» Я же, в смятении перепутав слова, пробурчал в ответ некстати: «Счастливо» и, не останавливаясь, торопливо прошел мимо нее. И вот я шел дальше и ругал себя последними словами за такое идиотское поведение.

Нечто похожее случалось со мной и раньше. Однажды мне очень понравилась одна девочка, жившая по соседству на даче. Она жила не совсем рядом, до ее дома надо было идти по тенистым улицам, по земляным дорогам, вдоль старых заборов, увешанных сиренью, яблонями, боярышником, ежевикой и еще черт знает чем. В том месте, где она жила, на просеке возвышался огромный старый дуб, а вокруг росли высокие густые колючие кустарники, на границе которых стояли качели. И вот я приходил и сидел на этих качелях, болтался на них и томился, маялся, в общем, ждал, ждал, когда появится она со своей хитрой улыбкой, прекрасными глазами с поволокой, роскошной толстой косой и на удивление волосатыми руками. Вероятно, я даже прохаживался вдоль забора и покашливал громко, чтобы она меня заметила. И вот она замечала и, взяв велосипед, выходила на просеку. Взмахнув толстой косой, она, как будто не глядя на меня, ловко седлала железного коня и уезжала прочь. А я, горемыка несчастный, робкий идиот, застенчивый дурак, плелся обратно на качели и сидел там, не решаясь ехать за ней, хотя и понимал, что она вышла не случайно. Просидев полчаса, я в отвратительнейшем настроении шел домой. И надо же, выйдя с просеки на дорогу, я видел невдалеке на повороте ее, терпеливо ждущую и смотрящую в мою сторону.

При всем том я был очень надменный. Я смотрел на многих свысока и отказывал им в уважении на том основании, что у них, по моему мнению, слабый интеллект. Сейчас я уже переосмыслил свои позиции по этому вопросу и понял, что развитый интеллект — это, конечно, что-то хорошее, но совсем не редкое и далеко не главное.

В этой связи вспоминаю такой случай. Сидел я как-то в сарае, читал книгу, пил чай. Не помню, что за книга была, помню только, что она все время неприятно прилипала к столу. И руки тоже прилипали — ведь когда читаешь за столом, удобно локти положить на столешницу. А столешница была вся залита вином, сладким чаем, посыпана сахаром, в общем, к ней хорошо все липло. И вот я сидел, почесывал давнюю щетину, курил и злился на липкий стол. За окном же бушевало лето, зной заливал сад, но, несмотря на жару, зелень росла густо, как в джунглях: высокая трава, пышные кустарники, заросли хрена, частые плодовые и лесные деревья. Тихо было, только жужжали и стрекотали насекомые в полном безветрии, все замерло и время тоже как будто замедлило свой ход. Казалось, живая природа за окном звала меня из сарая, прочь от липкого стола с книгой, но я не шел, потому что не знал, что мне делать с ней, с этой природой. О, если бы я только знал, я бы конечно бросил все и ушел!

И вдруг ко мне в сарай зашла соседка. Она была в отличном настроении (что мне не понравилось, так как я считал, что она должна страдать из-за нашей любви). «Привет, Вань, — сказала она весело, — ну что ты здесь сидишь, как паук в темном углу, смотри, как здорово на улице, иди гулять! Сколько можно всякой фигней заниматься!» Я посмотрел на нее снизу вверх, отодрал локти от стола и ответил: «А я вижу, ты поумнела!»

Должен признаться, что и я претендовал на девочку с волосатыми руками, но уступил ее моему брату по итогам честной схватки. Дело было так. Мы частенько, каждый день (а иногда и по два-три-четыре раза в день) навевались на площадку, сидели на качелях и громко хохотали, чтобы привлечь ее внимание. Рано или поздно она, наслу-

шавшись нашего смеха, выходила. Или же, если смех не действовал, мой брат шел к ее забору и кричал: «Выходи!» — а я поражался его смелости, потому что сам был слишком робок для такого поступка.

И вот как-то раз она вышла с бадминтоном. С длинной косой, чуть ли не ниже попы, с игривой улыбкой и ямочками на щеках. И так нам нравилась эта ее коса, попа, улыбка и ямочки, что волосатые руки делались незаметными. Хотя между собой, сидя вечером в саду за чаем, мы говорили, конечно: «Ты видел, какая у нее шерсть?» И показывали пальцами длину этой воображаемой шерсти: «Во!» И так, поскольку игра на двоих, а нас было трое, мы с братом решили сразиться в бадминтон первыми, а победитель получал право играть с ней. Началась схватка и, хотя я играл, в общем, неплохо, от волнения вдруг растерял все свои навыки. И проиграл брату с большим счетом. Я тогда очень расстроился, перелез через чей-то забор, упал в лопухи и слушал с горечью, как они играют и смеются. И лежа так, глядя в небо на бегущие облака, я поклялся себе, что пусть уж лучше девочки меня добиваются, а не я их.

Мой брат стал частым гостем на площадке, где рос огромный дуб и жила девочка с волосатыми руками. Между ними явно возникли романтические отношения — они могли часами стоять друг напротив друга и говорить о всякой чепухе. Я немного ревновал к ней брата, потому что если раньше мы сутки напролет были с ним неразлучны, то теперь он только и думал о том, как бы с ней встретиться. Я ничем не мог его выманить от нее — ни шоколадом, ни мармеладом, ни предложениями заманчивых путешествий, ни книжками с картинками. Хотя, по правде, никакого шоколада, конечно, не было, это я так, в переносном смысле, и никаких путешествий тоже. Разве что путешествие на великах в соседнее Болшево за пивом.

Гуляли они по всему поселку, нередко хаживали и в березовую рощу, где над обрывом в укромной тени стояла скамейка. Со скамейки открывался вид на реку, чудесный особенно вечером, когда закат ложился багряной пеленой на водную гладь и окрашивал белых лебедей в розовый цвет. Они сидели там, на этой скамейке, и беседовали влюбленно. Но, надо сказать, что девочка с волосатыми руками была той еще сукой. Помимо моего брата был у нее другой ухажер — юный алкоголик и наркоман с маниакально-депрессивным психозом. Он ее шантажировал, что если она не будет с ним встре-

чаться, то он покончит с собой. Она все это рассказала моему брату и сообщила, что не может допустить смерти человека. Поэтому этот алкоголик и наркоман приезжал к ней в гости, жил у нее, гулял с ней и все такое. А мой брат с темным чувством в сердце наблюдал это и молился, прося всевышнего дать ему терпения и смирения. И, что интересно, всевышний его услышал.

Трудно поверить, но в течение двух лет нас с соседкой связывали исключительно платонические отношения. «Платонические» не в исходном, платоновском смысле, потому что у Платона возвышенная любовь касалась, похоже, исключительно мужчин, а моя соседка была на сто процентов женщиной. Наши с ней отношения были платоническими, как вы уже догадались, в смысле рыцарского романтизма. То есть, короче говоря, мы проводили время в беседах о прекрасном, в променадах и чаепитиях, не опускаясь до телесных наслаждений. Все, что мы себе могли позволить в плане низменных страстей — так это томные взгляды и случайные прикосновения.

Мне это давалось, скажу я вам, довольно непросто, потому что собеседником я всегда был ужасным и большую часть времени, что мы проводили в беседах о прекрасном, променадах и чаепитиях, я молчал. Молчал и думал — как же мне хочется предаться низменным страстям!

И вот как-то раз вечером, когда стустились тучи в преддверии ливня, и мощный ветер трепал кроны деревьев и бил ставнями, я гостил у нее. Мы сидели в мансарде, и в окно вдруг ворвался особый свежий запах зелени, который бывает только в грозу. Небо резко потемнело, и краски в саду померкли, растения затрепетали, как будто на волнах. И это волнение природы передалось и мне, я ощутил внезапный прилив энергии, руки мои задрожали. По ее взгляду я понял, что она испытывает нечто похожее, и я, ни слова не говоря, взял ее и посадил к себе на колени, и мы слились в немислимо страстных поцелуях. Сверкали молнии, бушевал ливень, в нас летели брызги, а мы задыхались от страсти и для меня пропали все запреты и условности. Но в самый последний момент она внезапно отстранилась и сказала: «Нет, постой! Я не могу в доме моего мужа!» Больше я никогда не испытывал к ней ничего подобного, как в тот вечер.

Поздними вечерами, когда я возвращался от соседки в наш сарай, уцелевший после пожара, и оставался один, меня одолевали романтические мечты. Я шел от нее через темный сад, утонувший в глубокой синеве, по узкой в густых зарослях тропинке, мимо пахучей сирени, сквозь высокие, давно одичавшие флоксы и пионы, мимо притаившихся ежей и мышей, шел и мечтал известно о чем. Хотя, наверно, не все читатели понимают, о чем же я мечтал, идя по ночному саду. Может быть, о фонаре, чтобы рассеять тьму? Или о сне?

Нет, не об этом я мечтал. Дело в том, что наши отношения с соседкой, как я уже говорил, были лишены интимной близости, и все время мы проводили в разговорах, переглядываниях и страстных рукопожатиях. Ей, как и большинству девушек, этого, в общем, достаточно и она могла так продолжать месяцами. Я же, понятное дело, хотел большего и все эти рукопожатия и переглядывания давно мне опротивели.

Так вот, я приходил в сарай, бросался на дощатую кровать, об которую чуть кости однажды не переломал, когда слишком сильно бросился, и начинал мечтать о ней, о моей возлюбленной. Думаю, содержание моих мечтаний всем ясно и я не буду их тут описывать. Подобным образом, в бесплодных мечтах на дощатой кровати, я провел два года.

В юном возрасте я страдал от крайней неуверенности в себе. Честно говоря, это случается со мной и сейчас, но теперь я в какой-то степени научился справляться с приступами неуверенности, а раньше не было у меня никакого от них лекарства. Из-за этого мое поведение доходило до смешного. Хотя, видит небо, смешно мне не было.

Например, находясь в гостях у соседки, сидя с ней на веранде и предаваясь всяким беседам, я все время сомневался: правильно ли я делаю, что сижу здесь или же я на самом деле смущаю ее своим присутствием, она тяготится, но стесняется мне об этом сказать? И вот, вместо того, чтобы наслаждаться нашим уединением, вместо уверенного осознания того, что она в меня влюблена и поэтому рада

каждой секунде, проведенной со мной, я страдал от мучительных размышлений. Я чувствовал себя ужасно неловко и неуклюже и, в конце концов, говорил: «Если ты считаешь, что мне пора домой, то дай мне об этом знать!» А она мне отвечала: «Вань, ну ты что, совсем, что ли, дурак, как я могу так считать!?»

Был у нас такой, отчасти эротический ритуал. Иногда мы с соседкой ехали вместе в электричке в Москву с дачи — она на работу, а я не знаю куда. Конечно, эротизм заключался не в том, что мы вместе ехали в электричке, а в том, как мы ехали. А ехали мы так: если вагон был не переполнен и удавалось сесть, то она спустя несколько минут клала голову на мое плечо. Если же сесть не удавалось, то я брал ее за руку. Вот и вся эротика. Но когда это происходило — эти вот прикосновения, меня охватывала дрожь и сильнейшее волнение. У меня прямо коленки начинали дрожать, перехватывало дыхание и сердце колотилось так, как будто хотело разорваться. И казалось мне, что нет на свете ничего приятнее, чем ее худая коленка впритык к моей коленке и ее маленькая рука в моей руке.

Но вот, что любопытно: постепенно (причем довольно быстро) это перестало производить на меня такое сильное впечатление. В какой-то по счету поездке я обнаружил, что уже не дрожат мои коленки, и сердце совершенно спокойно и нет никакого волнения, и эротики во всем этом — ноль.

Бывший афганец, муж моей соседки, был на удивление лихой человек. Как говорится, старой закалки, не то, что мы с братом. Он воспитывался на других ценностях, когда превыше всего в юноше ценились доблесть, бесстрашие и дух соревновательности. Если наше детство прошло среди книг, сигарет и портвейна, то его — среди драк, отчаянных поступков и лошадей. Между эпохами, разделявшими и воспитавшими нас, была такая же разница, как между Просвещением и Возрождением. Хотя нет, я сейчас подумал, что это

слишком уж натянутое сравнение, такой разницы, конечно, не было. Но было то, что романтические идеалы его времени сменились холодным рационализмом и буржуазностью нашего.

И вот однажды я стал свидетелем былой отчаянности моего соседа. В тот день мы отдыхали на пляже у Плотины. Шел уже третий год нашего знакомства и я, несмотря на нашу дружбу, стал воспринимать его как никчемного алкоголика с серьезными психическими нарушениями.

Он сидел на траве, а мы с братом прыгали в бурлящую воду с небольшого возвышения у края плотины — что называется, «солдатином», и очень этим гордились, полагая, что делаем нечто сложное, заслуживающее удивления и восхищения. Долго глядел на это сосед, молча и равнодушно — я думал, что он завидует нашему мастерству. Но вдруг он встал и направился к плотине. Ни слова не говоря, он взобрался на самый ее верх, возвышающийся на много метров над водой, и прошел по узкой железной перекладине до края. Люди с любопытством глядели на него, оставив свои дела, и думали: что такое затеял этот худой черт, завсегдайта злчных мест в Бурково, Болшево и Загорянке, полночный велосипедист до магазина и обратно? Постояв так с полминуты, он слегка согнулся, затем резко оттолкнулся и ласточкой взлетел к небу, описал дугу и плавно, почти беззвучно вошел в воду — у самого бетонного основания плотины. Если бы он приводнился чуть ближе, то верно разбился бы насмерть. Весь пляж затих и обратил на него восхищенные взоры. И мы братом тоже замерли и, открыв рты, смотрели, как он, мокрый герой, вылезает на берег.

Всегда, когда мы собирались большой компанией, мне казалось, что она не обращает на меня должного внимания. Большая компания — это она, ее муж, мы с братом и еще ее подруга. Конечно, на самом деле, компания не так уж и велика, но любые посторонние, которые мешали нашему с ней интимному общению, казались мне большой и совершенно лишней компанией. И вот, едва такая компания собиралась, я сразу начинал нервничать и беситься, потому что она, по моему мнению, переставала уделять мне внимание.

Так оно, в общем-то, и было, потому что не могла же замужня женщина при живом муже и других людях открыто кокетничать и влюбленно на меня смотреть. Тем не менее, понимая все это, я страшно был недоволен, что она не смотрит на меня влюбленно и не кокетничает. Тогда мне начинало казаться, что я ей больше неинтересен и прошла любовь. От таких мыслей я становился мрачнее тучи. Хотя это совершенно дурацкое сравнение — про тучу, принятое в классической литературе. Мрачность туч лично на меня, например, всегда производила очень приятное впечатление. Мне нравятся грозовые тучи и тьма, которую они нагоняют — мне кажется, нет ничего веселее и радостнее на свете. Поэтому, скажем так, я становился мрачен, как ночь, но не как обычная приятная и свежая ночь, а как зимняя, холодная и с ледяным дождем. Лицо мое чернело, глаза стекленели, и рот замолкал — я был рядом с ними, но вроде, как статуя или мумия, а не как живой человек. Думаю, никто не понимал, что со мной происходило и почему, но наверняка всех угнетало мое настроение. Это всегда так — если рядом человек с мрачной недовольной рожей (особенно, если этот человек близкий и родной) всем становится тягостно от его присутствия. И вот, думаю я теперь, странно, что она меня тогда не разлюбила.

Что такое любовь? Этим вопросом не раз я задавался, сидя за столом под могучей березой напротив дома соседки. Я сидел там целыми днями с книгой, но смотрел не столько в книгу, сколько в сторону ее крыльца, надеясь на что-то не совсем определенное. Хотя, вполне определенное — я надеялся, что она выйдет и заметит меня. Но что с того? Какие я получал от этого бонусы? Никаких. Она выходила, замечала меня и шла дальше. Но не сидеть там и не ждать ее явления я не мог.

И вот, сидя там с книгой под сенью березы, в зной и в прохладу, при свете дня и во тьме ночи, сдружившись с десятками всяких насекомых, я размышлял о природе любви. На меня медленным дождем падала какая-то труха, и белый разворот книги, подолгу раскрытый на одной странице, покрывался желтыми листиками, сосновыми иголками, микроскопическими увядшими цветочками, а я сидел,

сгорбившись, и предавался горестным мыслям. Горестным — потому что ничего радостного в этой нашей любви я не видел. Да, были краткие мгновения радости, которые дарили нам первые минуты встреч, но все остальное — мучительное томление и ожидание неизвестно чего. Я часто ловил себя на том, что каждую минуту, даже каждую секунду думаю о ней. То есть она жила в моем сознании постоянно, с утра до ночи — едва я просыпался и до тех пор, пока не засыпал. Чем бы я ни занимался, о чем бы ни думал, она незримо присутствовала, от ее присутствия я никакими средствами не мог избавиться, она главенствовала во всех моих делах и развлечениях. Это было, как тяжелая психическая болезнь — как навязчивая идея, от которой невозможно отделаться. Ничто не могло дать мне удовлетворения, доставить радость — потому что она мрачной тенью всегда нависала надо мной, закрывая солнце. Так что периоды сна я воспринимал, как спасение. Во сне я мог забыть, наконец, расслабиться и отдохнуть от навязчивых мыслей. И едва я просыпался, как начиналось все то же самое. Так вот, сидя там за столом, я приходил к выводу, что любовь — это больше мучение, чем радость, и ближе всего к болезненной одержимости.

Хотя мы с братом жили на даче, как бомжи и бродяги, в грязи и нищете, немывые и нечесаные, тем не менее, были и у нас определенные представления об этикете. Мы знали о правилах поведения в обществе не понаслышке, но из книг, индийских фильмов в местном кинотеатре и отчасти от старших поколений. Я же вообще воображал себя весьма изысканным джентльменом, эдаким денди, задающим тон в поселке, модником и стилигой. Кроме того, я почему-то был уверен в своей необыкновенной воспитанности и вежливости.

Помню, как-то у меня кончились сигареты, и деньги тоже кончились. Соседка прознала об этом и купила мне пачку сигарет. «На, Вань, — сказала она, — кури на здоровье». Я же счел неудобным, что дама покупает мне сигареты и принялся демонстративно ломаться. «Ну что ты, я не могу, как можно, оставь себе!» И вот так мы препирались довольно долго, я кокетливо сопротивлялся, а она убеждала и упрашивала меня чуть не на коленях. «Ну, возьми, пожалуйста,

мне не жалко!» А я: «Нет, нет, это так неудобно, как я смею!» Когда она все-таки убедила меня взять пачку, я еще около получаса сокрушался и уверял ее, что в ближайшее время верну ей деньги за эти сигареты. Так и не вернул.

Я всегда хотел показать себя соседке с лучшей стороны. Но у меня, как и у многих молодых людей, были очень своеобразные представления о том, какая сторона лучшая. Мне казалось, что соседка не совсем отдает себе отчет, какой я классный, обворожительный и сексуальный, и поэтому я считал необходимым донести до нее эту информацию любыми способами.

Как-то мы с братом нашли на даче в шкафу шторы, совсем новые, небесно-голубого цвета. Нам показалось, что они очень красивы и их нужно использовать на манер римских тог. Мы разделись до трусов (извините за подробности, не знаю, зачем я это пишу — какая разница, до какого состояния мы разделись) и намотали на себя шторы. В таком виде мы отправились щеголять по поселку. Люди при виде нас замирали, прикрывали лица и пяtilись за свои калитки. Не знаю, догадались ли они, что мы похожи на древних римлян или же подумали нечто иное. Кстати, вспоминая сейчас детали, я начинаю подозревать, что разделись мы более чем до трусов. Тогги с нас периодически сползали, чего-нибудь обнажая, и мы спешно заматывались обратно. Уже тогда мы поняли, что римляне, видимо, не обходились без застежек или же заматывались особо хитрым способом.

Я в этой прогулке преследовал вполне определенную цель — не эпатировать публику, а показаться на глаза соседке. Отчего-то мне казалось, что она будет потрясена (в хорошем смысле). Мы бродили довольно долго и замерзли, потому что было холодно, а шторы оказались недостаточно толстыми. Я уже потерял надежду на встречу с моей любовью, как вдруг заметил ее в конце улицы. Она шла с мамой под руку в нашем направлении. «О, Святослав, — сказал я брату взволнованно, — соберись, ОНА!» Мы тотчас выпрямились, сделали нужные лица, запахнулись получше, вскинули подбородки и нахмурили брови. Эдакими мраморными статуями, надменными

красавцами, римскими полубогами прошествовали мы ей навстречу. Она же, когда мы поравнялись, даже не поздоровалась, но густо покраснела, вцепилась в маму и быстро потащила ее прочь.

О, любовь! Сколько сердец ты извела своими стрелами! Сколько умов помутила и на какие только дурацкие поступки не толкнула! Сколько часов я, бывало, стоял, томимый духовной жаждой общения с соседкой под ее окнами, продрогший и замерзший в ночи. Холодный ветер с дождем гнали меня прочь, как бы говоря: «Иди спать, юноша, она не выйдет в три часа ночи, где это видано, чтобы замужняя женщина ходила по саду в три часа ночи, разве что это у нее работа такая — ночная...»

Но я был глух к доводам разума и упрямо стоял у забора и смотрел на черный силуэт дома на фоне серого ночного неба, и твердо знал, что она ни за что не выйдет, что она давно спит, но все равно стоял и ждал. Только бы увидеть ее, о, только бы прикоснуться и сказать пару слов!.. «Ну, всё, — слышу я уже ваши голоса, — хватит п...ть про жажду общения и робкие прикосновения, знаем мы тебя. Признайся, ты ведь наверно просто жахнуть ее хотел?» Что-о-о!?! — возмущаюсь я. — Да как вы смеете? Что это за слово еще такое? Я вообще такого не знаю и не понимаю, на что вы намекаете... Хотя, по правде, да. Именно это я и хотел. Но разве это плохо?

Вообще мы общались только летом, ну еще немного осенью, а зимой и весной нет. Осенью соседка приезжала с подругой по воскресеньям, чтобы погулять на природе, подышать свежим воздухом, отдохнуть от рабочей обстановки. Хотя все это, конечно, не правда, потому что какая там была природа и обстановка на даче в октябре-ноябре?.. Холод собачий, дождь, ветер промозглый, дикие злые собаки, вконец озверевшие от голода кошки и все такое. Поэтому приезжала она (это я понял только сейчас, спустя много лет), исключительно для того, чтобы встретиться со мной. Чтобы просто хотя бы

увидеть меня — об ином она и не помышляла. И вот мы встречались, сидели, пили чай, болтали о том, о сем. Вроде чего еще надо — встретились двое влюбленных и надо радоваться.

Но нет, отчего-то мне было этого мало и мое настроение планомерно портилось. В то время как брат пытался развлекать соседку с подругой, ходил колесом, делал сальто, стоял на руках, шутил, кривлялся, пел и танцевал, показывал стриптиз и рассказывал поучительные истории, я все мрачнел и мрачнел, пока не превращался в черную грозовую тучу. Они все хохотали, сгибались в три погибели, веселились до слез, мне же было ох как не смешно, и я сидел с каменным выражением лица, как будто только что потерял самого близкого человека. Почему же? — спросите вы. — Что у тебя было с лицом? Ты проглотил жабу? Нет. Просто я обижался на нее. Обижался, что она веселится, вместо того, чтобы обращать внимание на меня. Мне казалось, что она слишком уж обделяет меня своим вниманием, не смотрит на меня влюбленно, не прикасается ко мне, не томится по мне и не вожделеет моей любви. В общем, я начинал подозревать, что она ко мне равнодушна и любовь прошла. А вот, интересно, что думала она, глядя на такое мое состояние? Даже и не знаю. Может, то же самое, что я про нее, или наоборот, все понимала и наслаждалась моими мучениями.

Мне кажется, в минуты крайнего духовного напряжения, когда весь организм как бы до предела смущен нахлынувшими ощущениями, у человека просыпаются новые, неведомые ранее способности. Вроде телепатии. Я не шучу. Помню, как-то шел я по улице вдоль поля — колосилась рожь, ветер метал золотые колосья точно волны, и по небу сурово полз грозовой покров. Хотя вот не уверен насчет ржи, подозреваю, что к тому времени уже лет пять ничего не колосилось на поле, а только чахла желтая трава. Но все равно, я как будто вижу перед собой это поле, осины вдоль старой, уходящей в темноту дороги, и загадочный белый дом, а с другой стороны поля — неведомые края, чужие дома и заборы, скрытые березами. Сколько колеб было сделано из этих осин!..

Так вот шел я, шел, и вдруг заприметил вдали соседку. Она направлялась прямо ко мне. Я так заволновался, так растерялся при виде лю-

бимой, что не знал, как мне быть. Вы, наверное, не понимаете, в чем проблема и чего я так разволновался. Шел бы к ней, — скажете вы, — чего волноваться-то зря? Это все верно, только я тогда так не мог. Это я сейчас могу, не глядя, куда угодно пойти и все что угодно сделать, а тогда я так не мог — я был очень робок, застенчив, не уверен в себе и мнителен. А вдруг, — испугался я, — это она не ко мне идет? Вдруг она идет в магазин или еще по каким своим делам и совсем не хочет со мной общаться? А я буду навязываться и помешаю ей? В общем, этими размышлениями я довел себя до крайней степени нервного расстройства и решил сделать вид, что не замечаю ее. То есть я встал посреди дороги и принялся внимательно изучать колосья в поле (или пожухлую траву) и стоял так до тех пор, пока она не дошла до меня.

— Привет, Вань, — сказала она. — Что делаешь здесь?

— А! — воскликнул я, как будто только что заметил ее, — в поле смотрю.

— Интересно?

— Весьма.

На этом наша беседа оборвалась. Он встала рядом и задумчиво смотрела на меня, а я от неловкости вертелся, тербил прическу, переминался и поглядывал в поле. И вот, пока мы так стояли, мое внутреннее напряжение превысило все допустимые пределы.

— Пойдем? — спросила, наконец, она как-то вяло и хмуро. И вдруг я услышал еще одну фразу, прозвучавшую ее голосом прямо в моей голове, хотя она больше не говорила ни слова, и ветер шумел деревьями, а гром сотрясал небо. «Эх, Ваня, — услышал я, — зря мы с тобой встретились».

•

Наши дни тянулись уныло и однообразно. Это и не удивительно, ведь мы ничем не занимались. Мы не занимались, например, спортом, не играли на музыкальных инструментах, не пели и не ходили ни в какие кружки рисования. Шахматы гнили в углу, объединенные крысами, на ружьях сушилось белье, на клюшках для гольфа жарили шашлык. Шучу, никаких ружей и клюшек у нас, конечно, не было, как, впрочем, и шашлыка. Да и белья тоже не особо. В общем, делать нам было совершенно нечего.

Наше существование выглядело бесцельным, как у растений в саду. Хотя вот не уверен про растения, подозреваю, что у них-то как раз были цели, в отличие от нас. Гречиха, сирень, береза, одуванчики, васильки, львиный зев и сотни других растений все-таки росли, для чего-то каждый день они тянулись к солнцу, быть может, сами не зная для чего, но все же участвуя в каком-то глобальном эволюционном плане. А вот мы, похоже, нет — не участвовали. Нам казалось, что мы ошибка природы. И уже в отрочестве осознав бесцельность и бессмысленность нашего существования, не найдя себе никакого разумного применения, мы впали в бездонную и бесконечную хандру. Забросив единственное развлечение, что у нас было — книги и карты — мы с остервенением принялись пить, курить и валяться в беспамятстве, где придется. Мир стал для нас тусклым, нигде не брезжил рассвет, мы не знали чем заняться, и все занятия тоже не хотели нами заниматься.

И вот тогда-то, когда вроде бы уже наступил полный п..., ко мне вдруг пришла влюбленность в лице моей соседки. И надо же, как ни странно, жизнь вновь обрела для меня смысл, внезапно появилась цель, и место в плане эволюции мне вновь нашлось. Рассвет забрезжил вдалеке и теперь я смотрел вперед не как раньше, а с надеждой на светлое и счастливое завтра. И хотя это завтра, в общем-то, было иллюзией, потому что на самом деле его нет, а есть сегодня, тем не менее, я тогда понял, что любовь способна дать силы и поднять отчаявшихся с колен. Пускай это иллюзия и обман, но каким же осмысленным и полнокровным начинает казаться мир.

Когда я понял, что прошла любовь? Когда однажды, проснувшись с утра, я открыл глаза и увидел, что мир стал другим. Не то чтобы я увидел нечто иное вокруг и за окном, какие-нибудь там красоты, розовые восходы, райских птиц и все такое. Нет, увидел я все то же самое — облупленный белый проем окна с никогда не мытыми стеклами, древнюю паутину и всяких насекомых, запутавшихся в ней, когда я еще наверно не родился, стены с рваными останками пожелтевших обоев, лакированный круглый стол с банкой для окурков и два стула перед ним. Справа дверь, рядом вешалка с невиданными

костюмами (за всю жизнь я больше не видел таких костюмов). С потолка свисали бумаги с поучениями и размышлениями из «Дао дэ цзин» и «Книги перемен». То есть я увидел свою привычную обитель, но точка зрения моя как бы сместилась. Я вдруг увидел все это в новом свете, я понял, что все эти вещи лишились какой-то присущей им черты, что джунгли снаружи уже иначе зеленеют и даже воздух стал другим. Поразмыслив над этим, я обнаружил, что забыл с утра подумать о соседке — как это было каждое утро в последние три года, едва я просыпался. Да, я совершенно забыл о ней. И если раньше весь мир был пропитан ею, то теперь эта пропитка испарилась, и мир стал другим. Даже не знаю, обрадовался ли я тогда. С одной стороны, я испытал огромное облегчение, потому что почувствовал себя, наконец, свободным. С другой стороны, меня охватила странная глубокая печаль. Впрочем, тоже приятная.

А мы, конечно, старались произвести впечатление на прекрасный пол, причем, желательно, неизгладимое. Иначе говоря, мы хотели нравиться девушкам. А чем можно нравиться девушкам? Конечно, силой ума, благородством, мужеством, щедростью, изысканностью и духовной красотой. Но меньше всего нас как раз интересовала духовная сторона дела. Мы хотели нравиться с другой стороны — как эдакие красавцы-безобразники, непристойные негодяи, бл...ы, бессовестники. Хотя какие мы были бл...ы, смешно подумать, если о бл...х мы знали только из классических романов девятнадцатого века! Точнее, это я знал о них из романов девятнадцатого века, а мой брат из китайского сказочного романа шестнадцатого века «Путешествие на запад» (можете вообразить, какие там были бл...ки!) Тем не менее, мы изображали бл...в, как умели. И, надо сказать, что удивительно, девушкам действительно такие иногда нравятся. И вот, что мы делали. Боюсь, правда, вызвать презрительный смех и оскорбительный свист, но все-таки расскажу.

Мы надевали самые эротичные на наш взгляд одежды и выходили на просеку играть в бадминтон. Сейчас я бы не сказал, что это было эротично, но тогда мы казались себе прекрасными. Одежды были следующие: у меня джинсы, обрезанные сильно выше колен, а

у брата жгучие розовые шорты (в остальное время — когда не нужно было никого соблазнять — служащие тряпкой для посуды). И вот мы под солнцем, загорелые, юные и красивые играли в бадминтон, стараясь во время игры подчеркнуть свое великолепие и сексуальность особыми движениями (о боже, вот пишу сейчас это, и чувствую, как краснею). Вскоре выходила на просеку соседка и становилась неподалеку любоваться мной. И девушка моего брата, которая с огромной косой, тоже приходила со своим Цербером, с отвратительной и злобной собакой, и любовалась моим братом. Но поскольку она была ровесницей, то она, конечно, не показывала свою симпатию открыто, а больше, наоборот, хотела, чтобы он любовался ею. Вот и все, что я хотел рассказать. Дурацкая, в общем, вышла история.

